

Ружьё

В СЕНЯХ царил полумрак. Лишь косые лучи солнца, пробившись сквозь ветхую дощатую стену, расплосовали плотную темноту. Запах подвешенных под притолокой душицы и лекарственных трав нежно коснулся его лица, зашекотал ноздри. Раздвинув прошлогодние берёзовые веники, он начал шарить в углу – там должна была висеть его двустволка. И когда ладонь коснулась её холодного ствола, по всему телу разлилось мучительное блаженство. Как давно он не брал в руки ружьё! Почти забыл о его существовании. Как странно... ведь когда-то он считался хорошим охотником.

Перепачканный паутиной и обсыпанный сухой травой, он выбрался на свет и, шурша жёлто-красными листьями, щедро устлавшими весь двор, направился к скамейке возле ворот. Осень наступила, лениво подумал он, и, будто подтверждая эту мысль, под ним жалобно заскрипела скамейка. В пожелтевшем лесу, нависшем прямо над ним, царила манящая тишина.

Неожиданно лес словно вытолкнул из себя молодую женщину с коромыслом на плечах. Он улыбнулся, узнав в ней свояченицу. Полоскала бельё. Уже третий раз за этот день. Белья набралось слишком много... Увидев его, женщина тоже улыбнулась.

– На охоту, что ли, собрался?

– Да вот, думаю, не попадётся ли какая-нибудь райская птичка...

Застеснявшись своей шутки, он вдруг замолк, его густые брови сдвинулись, и он забормотал глухим голосом:

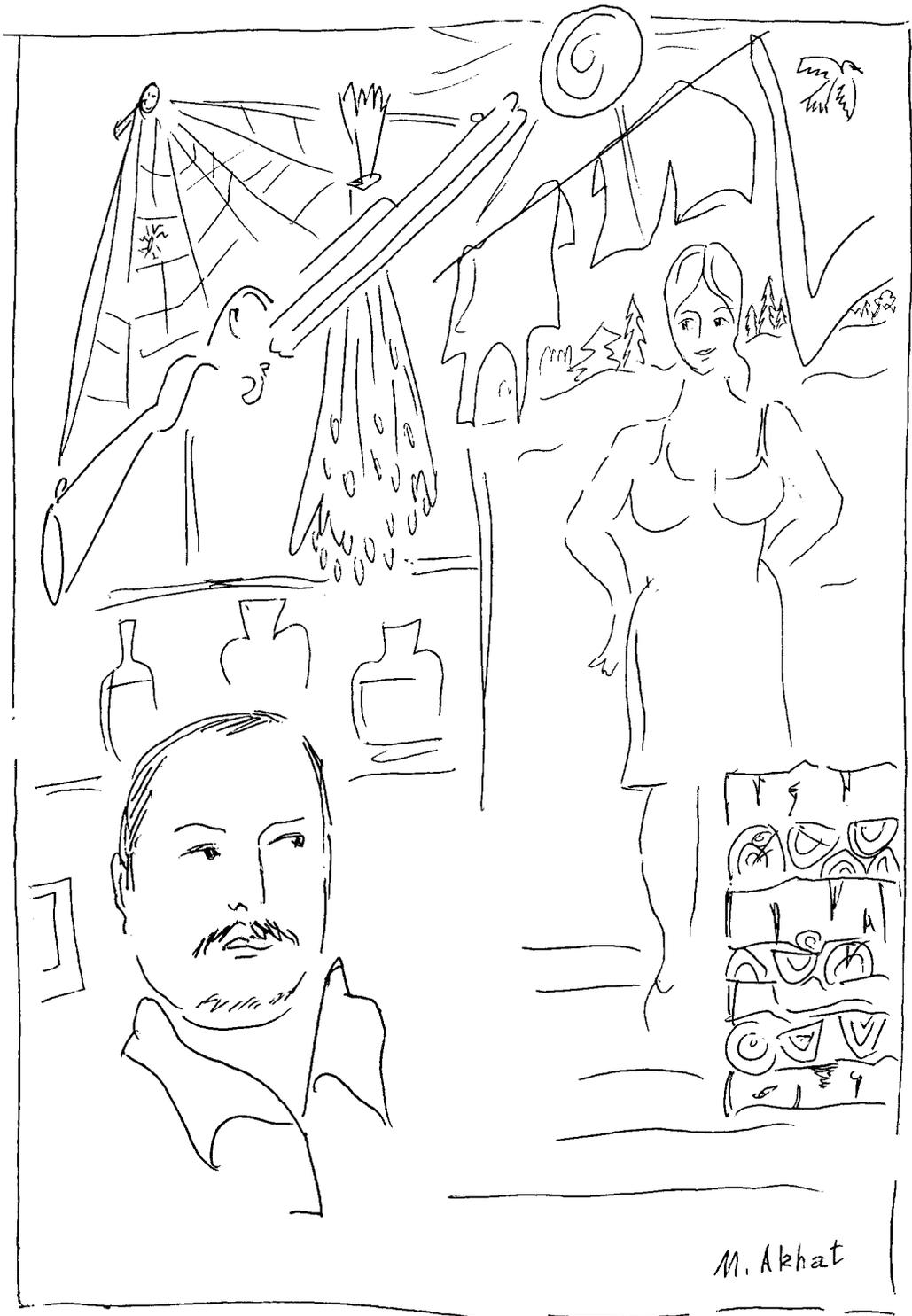
– Давненько ружья не брал в руки...

Женщина в ответ звонко рассмеялась, словно лесной ручей, в котором она полоскала бельё:

– Эх, уж если и тебе не попадётся этакая птичка!..

Он чистил ружьё и поглядывал на свояченицу, развешивавшую бельё на протянутой через весь двор верёвке. Её округлые груди, обтянутые мокрым платьем, открытые крепкие плечи, гладкие ноги, белеющие из-под задравшегося подола, то и дело приковывали к себе его взгляд.

Свояченица жила в городе. Там и замуж вышла. Они, кажется, присылали приглашение на свадьбу, но поехать как-то не получилось. Он вообще не общался с родственниками жены. Вернее, это они не считали его за ровню. И жену его не простили за то, что она выбрала себе такого мужа. Её отец так и не смог смириться с тем, что дочь вышла за простого лесника – странного, нелюдимого и замкнутого человека. Старик ни разу не подал зятю руки, не сказал ни единого слова, не пригласил к себе в гости.

Вначале его дочь надеялась, что с возрастом отец станет мягче, но, увы, лёд в его сердце так и не растаял. Старик оказался на редкость упрямым.

Однако зять не очень-то и переживал по этому поводу. И они вдвоём жили-поживали себе в лесу. Казалось, даже были счастливы... Но бог не дал им детей...

А свояченица с мужем развелась. Он краем уха слышал, как та говорила сестре: «Пьёт хуже извозчика...»

Сестрёнка жены – приветливая и жизнерадостная... Теперь вот приехала к ним постирать накопившееся бельё, убраться в доме, да и вообще помочь, где надо. Интересно, как это её отец отпустил? А может, она и не стала ему говорить?

Он приставил ружьё к забору и пошёл к дому. Жёлто-красное покрывало из листьев мягко, с нежным шорохом прогибалось под ногами.

Осторожно, стараясь не скрипеть выскобленными и отмытыми половицами, прошёл в глубину комнаты, к кровати, отгороженной занавеской. Приоткрыл занавесь, присел на табурет возле кровати. При его появлении худое тело под одеялом шелохнулось... На сером, словно обтянутом паутиной лице появилось что-то похожее на улыбку.

– Как ты? – спросил мужчина. Вопрос был задан механически и не требовал ответа. И он уже в который раз рассердился на себя за то, что снова произнёс эти два слова, потерявшие от многократного повторения всякий смысл.

– Сегодня день такой ясный... – сказал он, немного помолчав. А потом зачем-то добавил: – Листья осыпаются...

– Что-то мёрзну я, – сказала жена. – Обессилела совсем. Во рту сухо.

Мужчина взял со стула чашку и дал жене глотнуть холодного чая. Какой-то пузырёк с лекарством, задетый им невзначай, со стуком упал на пол и покатился к двери.

– Какой ты неловкий... – пробормотала жена.

– На днях должна ожеребиться со-

ловая кобыла, – сказал муж виноватым голосом.

– Говорят, в Казани есть доктор по фамилии Минкаев, и он из Кукмора может предотвратить землетрясение под Чёрным морем. Показаться бы ему... – Женщина приложила к губам влажный носовой платок. – Говорят, что он запросто тучи гоняет по небу. Меня бы он уж точно вылечил...

Заметив, что по лицу жены побежали красные пятна, мужчина шевельнулся

– Хотел сегодня на охоту сходить. Вдруг какая дичь попадётся...

– Кто же повезёт меня к нему? – плачущим голосом спросила жена.

– Окрепни немного, и поедем. А может, я его сюда привезу...

– Где Алмакай? – так жена называла свою младшую сестру.

– Бельё развешивает...

– Она так похорошела в городе... И работает от души. Она хотела остаться ещё на три-четыре дня, но я отговорила, работа у нас никогда не кончится, не стоит ей задерживаться... Если отец узнает...

Мужчина окинул взглядом чистую и посветлевшую комнату. Здесь даже воздух стал другим, и лекарствами теперь не так сильно пахнет. Хотя... от этого запаха так быстро не избавишься.

– Раз она хочет здесь пожить, пусть остаётся... Зачем гнать её?

– Не повезло бедняге с мужем... – отрывисто проговорила жена. – И сюда приехала, не спросившись у отца.

– Тогда пусть уезжает...

– Надоела я тебе... И говорить со мной толком не хочешь... – Женщина снова захныкала.

– Давно так ружья в руки не брал... – сказал муж. – Даже забыл о нём. А сегодня вытащил из чулана.

– Говорят, если положишь фотографию этого доктора на живот, болезнь как рукой снимет. Алмакай рассказала, что у жены Шавали-Медведя после того, как она одну ночь спала с фотографией на подушке, на голове исчезла седина. Сходил бы ты в деревню да принёс эту фотографию?..

– Завтра схожу. Сегодня я в лес собрался. Может, тебе суп из дичи на пользу пойдёт...

– Нет уж, умру я, наверно... Избавишься, наконец... Только не вздумай жениться, пока сороковины не пройдут...

– Не болтай ерунду! – Мужчина тяжело поднялся. – Глядишь, скоро и бегать будешь.

– Спасибо моей Алмакай, одних только лекарств вон сколько навезла!

– Корове сена надо дать. Скоро дойти перестанет, всего два месяца осталось, – пробормотал мужчина в сторону.

Вот и осень пришла, подумал он, вновь оказавшись на улице. Но в душе почему-то не было грусти, и сердце как-

то возбуждённо бьётся. Наверно, это потому, что он собрался на охоту.

Свояченицы во дворе не было. Закинув ружьё на плечо, он зашагал к лесу. И тут услышал за спиной насмешливый голос:

– Без райской птички не возвращайся, зятьёк!

Мужчина обернулся, и улыбка осветило его лицо. Потом, словно удивившись этой улыбке, решительными шагами направился к лесу.

Уже возле самой опушки он вдруг услышал какие-то невнятные звуки и взглянул в небо. Там, в далёкой синеве, стая птиц, выстроившись клином, улетала куда-то далеко, в неведомые края.

*Перевела с татарского
Гаухар Хасанова*

Бублики

НАДО же, как не везёт! – За поворотом скрылся последний автобус из райцентра, который шёл в нашу деревню. А дождь, не желая сдаваться, всё сеял и сеял.

– Чёрт возьми! – сплюнул я досадно. Стараясь ступать по траве, направился в сторону асфальтированной дороги. Пойду пешком – кто знает, может, подберёт какая-нибудь попутка...

Не успел прошагать и пяти минут, как за спиной замаячила серебристая машина. «Отойди-ка в сторону, новые хозяева жизни не станут мендальничать – окатят грязью, мало не покажется!» – с этими мыслями я отступил в сторону и без всякой надежды поднял руку.

Смотри-ка, остановился!..

За чернотой тонированных стёкол

не разберёшь, кто там внутри. Открыл дверь... и на тебе: Камиль – друг детства, однокашник... Да, точно. Но каков гусь! Скажешь, олигарх какой! Кивнул: залезай, мол.

Наконец-то я скрылся от дождя.

– Домой? – завёл он разговор.

Про него говорили, что работает на бензозаправке, что поймал за хвост птицу удачи, катается как сыр в масле. Завидуют люди, конечно. Разве могут у нас искренне радоваться чужому счастью? Могут, наверно. Есть такие чудачки. Только я их не встречал...

– Что без машины? – спросил Камиль.

Только хотел сказать, что машины у меня и в помине не было, как он:

– Да, бензин нынче дорог!

Сказал и непроизвольно облизнул губы. Знал я эту его детскую привычку. Не изжил, значит, её с возрастом.

– Машина у тебя классная! – продолжил я беседу.

Этот комплимент должен был понравиться ему.

– Купил у одного мужика, – улыбнулся Камиль. – Из Штатов привёз он её. – Опять облизнул губы. – Видел тебя по телику как-то. Кажется, в воскресенье. В другие дни смотреть нет времени. И часто светишься в ящике?

– Не часто... Когда случай занесёт.

Долго ехали молча. Через некоторое время Камиль вновь завёл разговор:

– А у тебя какая тачка?

– Что?

– Машина твоя, говорю, какая – «мерс», «бумер»?

– У меня её вовсе нет...

– Что? – Камиль посмотрел на меня с недоверием. – Как так: писатель и машины нет? По телевизору показывают... Ладно – я, так даже в Канаше родственники тебя видели. Голос, говорят, точь-в-точь отцовский. Отец же твой географию преподавал.

– Да, географию...

После очередной паузы одноклассник завёл было на злобу дня. Но я не подержал его, заметив:

– Из телевизора информацию черпаешь?

– Говорю ж, некогда ящик смотреть...

Машина резко затормозила. Обиделся, что ли? Но тут было другое.

– Слышал, что Самигулла погиб?

– Какой Самигулла?

– В классе у нас был только один Самигулла... – Камиль опять набрал скорость.

– Да... Один...

Услышишь такую новость и поверить не можешь. Хотя с годами и свыкаешься – уходят близкие, знакомые... Что сказать? Стоишь на краю очередной могилы и, словно зубная боль, пронзает мысль «долго ли ещё самому осталось на этом свете?» Но вскоре захватывает жизненная суета... И ты бежишь куда-то, мечешься, то врѣшь,

то сам обманываешься, то выигрываешь, то проигрываешь... И выясняется, в конце концов, что главный проигрыш – это жизнь, которая вначале казалась выигрышем.

Самигулла – сирота... воспитывался бабушкой. Как же её звали-то? Долговязая, худая... руки, словно разохшился ветви, которыми размахивала туда-сюда. Резкий, цепляющий взгляд... А длинный, крючковатый нос говорил, что в её породе намешана южная кровь. Неизменно в чёрном платке... Побаивались мы её. А Самигулла при виде своей бабки вообще дрожал. Она его в ежовых рукавицах держала. Как же её звали?... Да, трудно они жили, нуждались во всём. Мать Самигуллы умерла сразу после родов. Отец, говорили, лётчиком был... Взорвался вместе с самолётом. Впрочем, безотцовщина у нас всегда не редкость.

– Вот здесь, – притормозил Камиль.

– Что здесь?

– Въехал он на своей машине в столб...

Вдоль дороги стояли бетонные опорные столбы. Тот столб, который был ближе к нам, покосился. Можно представить себе, с какой скоростью он гнал, если даже подбил такой мощный бетонный столб...

– Он за рулем был?

– Только что купил. Девятку... Красную... – Камиль тяжело вдохнул. – Собственными глазами видел... За ним ведь ехал...

– Один был в машине?

– Один... Жена, дети... все бы превратились в месиво. Это они с Наби обмыли машину. И надо же, после этого за руль сел.

– Самигулла же не пил. У него же сердце!..

– Сам знаешь, Наби, прилипнет, не отлипнет: обмоем да обмоем. Зашли в рюмочную. Обмыли...

Камиль вышел из машины, следом вышел и я. Ступая по придавленной, испачканной то ли маслом, то ли сажеей траве подошли к столбу.

В четырёх-пяти шагах в траве что-то

желтело. Подошёл ближе... Лежит обломок бублика...

– Что нашёл? – спросил Камиль.

Я развернул ладонь.

– А-а... гостинец бабушке. Любит она с бубликами чаёвничать. Вот и купил он...

...Несколько лет назад, сойдя посреди ночи с казанского поезда в Канаше, я не знал куда податься. Что делать, пошёл в общагу профтехучилища, в которой тогда жил Самигулла.

Несмотря на то что разбудил его, встретил он меня радостно. Со школы не виделась, его радость передалась и мне.

О чём говорили? О чём могут говорить два неженатых парня?

– Так, Ркаил, завтра вместе поедем ко мне домой, – сказал Самигулла. Его длинные ресницы задёрнулись. – Вот... купил бабушке бубликов. – Я обернулся: на гвозде возле полки с посудой висела связка баранок.

Неужели так любил её? Казалось бы, здоровый, кровь с молоком парень... В его возрасте обычно преобладают другие любви. Самигулла будто прочёл мои мысли:

– Бабушка, сам знаешь, воспитывала меня строго. Да и сейчас, схватит палку, долго упрашивать не будет. Только... Нет у неё на всём белом свете человека ближе, чем я. Да и у меня нет... Стараясь каждую неделю заезжать.

На въезде в деревню Камиль притормозил возле домика, похожего на амбар, на «лбу» которого красовалась надпись «Юлдаш».

– Курево закончилось, – пояснил он. Я пошёл за ним.

В пустом магазине сидела полусонная тётка. На полках – водка, пиво, соки и всякая всячина.

– Бублики есть? – спросил я.

На удивление тётка отреагировала быстро:

– У нас всё есть. Главное, чтобы деньги были.

Камиль посмотрел на меня, пожал плечами:

– Я домой, а ты делай что хочешь, – облизнул он губы и пошёл.

– Конечно-конечно, – ответил я, вышел вслед и, повесив на плече связку бубликов, пошёл по улицам родной деревни в тот конец, где жила бабушка Самигуллы. Как же всё-таки её звали?

Знакомый с детства дом у реки я увидел издали. Маленький такой, словно гусёнок, готовый вот-вот нырнуть в воду. Миновав калитку, я на ощупь зашёл в дом.

Изнутри послышался слабый голос:

– Кто там?

Только коснулся выключателя возле двери, как весь дом озарился электрическим светом. Среди голых стен на деревянной кровати, поджав ноги, сидела бабушка Самигуллы.

– Самигулла?...

– Это...это я, бабушка, друг Самигуллы. Вот принёс небольшой гостинец. – И протянул ей бублики.

– Самигулла-а...

– Нет, это не он. Я...

– Где ты шлялся до сих пор, чёртов мальчишка?

Старуха протянула ко мне свои костлявые пальцы с длинными ногтями:

– Иди сюда, негодник. Вот я тебе сейчас уши надеру... Коза вон с голоду скоро подохнет. А ты... Деньги привёз? Я невольно отступил на шаг.

– Где моя палка? Вот погоди, всыплю сейчас! – И тут же начала жевать своим беззубым ртом принесённый мной гостинец. В этот момент разорвалась бечёвка, и бублики разлетелись-раскатились по полу. Я выключил свет и вышел наружу. В ушах остался трясушийся голос старухи: «Самигулла!»

*Перевёл с татарского
Азат Ахунов*

